

Лекция Цзян Цютуна шла своим ходом, когда в аудиторию внезапно ворвался запыхавшийся студент.

— Извините за опоздание!

Преподаватель нахмурился, а разглядев вошедшего, свел брови еще сильнее.

— Входи. Цзи Яо, ты опоздал больше чем на десять минут. Это прогул. Староста, отметь его.

У Цзи Яо от этих слов потемнело в глазах. Он ведь летел сюда сломя голову как раз для того, чтобы не получить прогул! Успел только лицо и голову ополоснуть под краном в кофейне, даже одежду сменить времени не нашлось. И услышать теперь от Цзян Цютуна эту откровенную шпильку? Цзи Яо резко развернулся и зашагал к выходу.

Настроение и так было паршивым, а тут еще это. К черту всё, у него больше нет сил терпеть эти капризы.

Цзян Цютун изумленно приподнял бровь. Видя, что Цзи Яо упрямо уходит, даже не думая оборачиваться, он помрачнел окончательно. С силой хлопнув книгой по трибуне, он приказал:

— Вернись!

Удар вышел громким. Шумная аудитория мгновенно затихла, и десятки пар глаз уставились на лектора.

Цзи Яо пропустил окрик мимо ушей и толкнул дверь.

Студенты мысленно ахнули. Цзи Яо в их глазах мгновенно вырос до масштабов героя. С одной стороны, всем было безумно любопытно, с другой — неловко. Цзян Цютун славился своей холодностью и неприступностью, а тут его так нагло и прилюдно проигнорировали. Ребятам казалось, что преподаватель сейчас их всех порешит просто как нежелательных свидетелей своего позора.

Но Цзян Цютун не собирался уступать. Сегодня он твердо вознамерился проучить строптивца.

— Чжан Хэ, — ледяным тоном произнес он. — Иди и притащи Цзи Яо назад. Если он не вернется, вы оба получите за семестр по нулю.

Он взглянул на наручные часы:

— Даю пять минут. Время пошло. Иди.

Чжан Хэ застыл на месте с немым вопросом на лице: «Чего?!»

На этой лекции потоки объединили. Чжан Хэ учился на той же специальности, но в параллельной группе, так что они занимались в одной аудитории. Он-то надеялся преспокойно понаблюдать за бесплатным цирком, а тут его внезапно делает крайним любовник его лучшего друга! На душе у Чжан Хэ мгновенно стало паршиво.

Но перед лицом авторитета Цзян Цютуна он решил не искушать судьбу. Поднявшись со своего места, он длинными шагами вылетел из аудитории — только его и видели.

В аудитории поднялся свист и улюлюканье — студенты обожали подобные зрелища.

— Брат Цзян, ну вы даете! — покатывались они со смеху. — Отличный ход! Теперь уж точно никто прогуливать не посмеет, ахаха!

Цзян Цютун окинул притихшую галерку холодным взглядом:

— Молчать. Или баллы за работу в семестре вам больше не нужны?

Все мгновенно притихли, боясь издать хоть звук. Мысленно они костерили Цзи Яо последними словами за то, что тот разбудил в их лекторе первобытную ярость. Раньше «брат Цзян» хоть и держался отстраненно, но всегда шел навстречу. С чего вдруг из-за одной выходки Цзи Яо он превратился в беспощадного тирана?!

Не прошло и трех минут, как Чжан Хэ действительно приволок беглеца обратно. И в самом буквальном смысле: одной рукой он намертво сжал запястья Цзи Яо, а другой обхватил его за талию, практически таща упирающегося парня перед собой. Судя по растрепанному виду и измятой одежде, по дороге у них разыгралась нешуточная потасовка.

Один из их общих приятелей тут же разбойничьи свистнул и выдал пошлую шуточку:

— Ого, Чжан Хэ, как ты быстро управился! Минута — и готов!

Парни в аудитории дружно заржали, и даже раздражение Цзи Яо сменилось смешком. Только Чжан Хэ было не до веселья — его лицо потемнело от злости.

Цзян Цютун шутку тоже не оценил. Одарив острьяка долгим, многозначительным взглядом своих темных, похожих на тихий омут глаз, он посмотрел на часы:

— Три минуты. Отлично. Проходите на места.

Чжан Хэ, словно конвоир опасного преступника, усадил друга рядом с собой и только тогда разжал пальцы. Цзи Яо, которого этот балаган немного отвлек от мрачных мыслей, потер покрасневшие запястья:

— И зачем было лезть не в свое дело? Руки чуть не выкрутил, садист...

Чжан Хэ и не думал церемониться:

— Да пошел ты. Если бы твоя «наложница Цзян» не пригрозила мне нулем, я бы и пальцем не пошевелил, пусть бы ты хоть сдох.

Цзи Яо невольно фыркнул. Логика Чжан Хэ всегда его забавляла: всех фаворитов, любовников и интрижек Цзи Яо тот неизменно величал «наложницами». Так, Цзян Цютун у него проходил как «наложница Цзян», а когда-то давно Вэй Лань удостоился титула «наложницы Вэй».

Поскольку с Юй Сыюанем Цзи Яо сошелся в период затишья и тот стал его официальным бойфрендом, Юй Сыюань счастливо избежал этой участи и остался единственным «законным супругом».

Чжан Хэ подозрительно оглядел помятого друга:

— Ты вообще в каком виде? Разит кофе за версту. Тебя что, опять Вэнь Линь жестко выимел?

От такого вопроса Цзи Яо едва слюной не подавился. Он закатил глаза, чувствуя, как только-только поднявшееся настроение стремительно падает обратно в бездну. Проигнорировав друга, он уткнулся в телефон.

Стоя за трибуной, Цзян Цютун наблюдал за их шушуканьем, и внутри у него закипала глухая, удушающая злость. Он и так был на взводе, а вид этих двоих, склонивших головы друг к другу, окончательно вывел его из себя.

Его ярость не была беспочвенной. Всё началось еще на Новый год, когда Цзи Яо так демонстративно его отшил. Цзян Цютун тогда только-только решил сделать шаг навстречу своим чувствам, наплевав на приличия и ступив на эту сомнительную дорожку отношений с мужчиной, а в ответ получил лаконичное: «Некогда. Отвали».

Ладно, бог с ним с Новым годом. Но потом он застукал его в аэропорту в обнимку с этим самым Чжан Хэ! Ладно, в тот вечер они всё-таки прояснили свои отношения и решили быть вместе. Но после этого Цзи Яо даже не удосужился написать ему за всю ночь ни строчки! А сегодня и вовсе нагло прогулял половину его лекции!

Да и как прогулял? Явился посреди занятия в непонятном виде. Одежда вся измята, разит кофейной гущей, глаза опухшие, кончик носа красный... Всем своим видом так и кричит: «Да, я где-то куролесил!» Он что, за дурака его держит? Неужели думает, что Цзян Цютун слепой и ничего не заметит?

Преподаватель еще не успел предъявить ему этот длинный список претензий, а мелкий паршивец уже вздумал качать права! Что ж, отлично. После пары они поговорят по-хорошему.

Цзян Цютуну буквально трясло от гнева. Подумать только, ему уже тридцать два года. Его сердце, повидавшее немало на своем веку, давно напоминало холодную стоячую воду — тихую, глубокую и безучастную ко всему. Он вел размеренную жизнь, собирался посвятить себя науке и воспитанию молодежи... И надо же было какому-то юнцу, который моложе его на добрый десяток лет, бесцеремонно ворваться в его упорядоченный мир и утянуть за собой в пучину безумных страстей! Теперь он познал всё: и сладость, и горечь, и ревность, и злость — гамму чувств, о существовании которых раньше даже не догадывался. Истинное наказание.

Как только закончилась пара, Цзян Цютун, не дожидаясь, пока студенты разойдутся, стремительно сошел с кафедры, сцапал Цзи Яо за локоть и утащил за собой, не оставив тому ни единого шанса на возражение.

Любопытные сокурсники тут же окружили оставшегося Чжан Хэ:

— Слышь, а что это с братом Цзяном стряслось?

Чжан Хэ сохранял абсолютно непроницаемое лицо:

— Откуда мне знать.

Вопрошающий поперхнулся, но не отступил:

— Вы с Цзи Яо опять полаялись? Оба сидели чернее тучи.

Хотя Чжан Хэ и Цзи Яо учились в параллельных группах, их комнаты в общежитии находились на одном этаже, и все на потоке знали, что эти двое — не разлей вода с самого детства.

Услышав вопрос, Чжан Хэ помрачнел еще сильнее:

— Не твоё собачье дело.

Собеседник аж позеленел от такой любезности.

Тем временем Цзян Цютун заволок Цзи Яо в свой кабинет, запер дверь на замок и без лишних церемоний прижал парня спиной к деревянному полотну.

Оказавшись лицом к лицу, он отчетливо уловил густой кофейный аромат. Нахмурившись, преподаватель наконец разглядел темные разводы на чужой одежде. Нормальный человек в такой ситуации сразу бы сообразил, что парня просто облили. В крайнем случае, полет фантазии дошел бы до ссоры в кафе, неуклюжего официанта или разборок с кредиторами...

Но мысли Цзян Цютуна удивительным образом пошли по тому же руслу, что и у Чжан Хэ:

— Тебя что... пытались изнасиловать?

Цзи Яо лишился дара речи.

«Да что с вами, натуралами, не так?! Скажите на милость, как можно изнасиловать человека с помощью чашки эспresso? Клизму мне им сделали, что ли?!»

Какая к черту клизма, какое изнасилование... Цзи Яо мысленно дал себе подзатыльник. Из-за этих двоих у него самого уже крыша едет.

Он сердито уставился на Цзян Цютуна:

— Мы ведь вроде как начали встречаться? Вот я и решил сразу расставить все точки над «и» с Вэнь Линем, чтобы у тебя не возникало глупых подозрений. Поехал к нему спозаранку, в итоге получил за шиворот чашку горячего кофе, еле успел прибежать на твою лекцию, а ты мне еще и сцены тут устраиваешь!

В этой пламенной тираде правда мешалась с ложью в пропорции девять к одному. Все факты были чистой истинной, кроме главного — мотива. Стал бы Цзи Яо так убиваться ради того, чтобы хранить верность Цзян Цютуну и начать новую жизнь? Держи карман шире. На самом деле на него просто снизошло внезапное прозрение после того, как за время праздников Юй Сююань основательно промыл ему мозги своими пьяными излияниями, а Чжан Хэ и Сюй Е всю ночь читали нотации в два голоса. В душе у него проснулись остатки совести.

Но Цзян Цютун обо всем этом не догадывался. И поверил каждому слову — ведь внешние детали сходились идеально.

Уголки его губ дрогнули в едва заметной, но довольной улыбке, а в голосе прозвучали мягкие нотки:

— Правда?

— Вру я всё, понятно?! — Цзи Яо раздраженно оттолкнул его грудь и попытался протиснуться к письменному столу. Он всё-таки был взрослым парнем, и девичья роль жертвы, прижатой к косяку рослым ухажером, его нисколько не прельщала — разве что в разгар интимных игр, но сейчас был явно не тот случай.

Поездка с Юй Сьюанем расставила всё по местам. Цзи Яо никогда не страдал от нехватки мужского внимания. Весь его интерес к Цзян Цютуну изначально строился на азарте завоевателя. Теперь, когда крепость пала и суровый преподаватель полностью в его власти, к чему эти расшаркивания и покорность?

С какой стати он должен прогибаться под этого повернутого на контроле сухаря? Он ему ничем не обязан. Пусть катится к черту со своими правилами.

Цзян Цютун смотрел на его надутое, сердитое лицо, и в его душе, доселе напоминавшей неподвижную гладь пруда, словно зарезвились юркие рыбешки. Они щекотали изнутри, поднимая со дна волну теплой, щемящей нежности.

Он тихо усмехнулся и, перехватив запястье рванувшегося в сторону юноши, рванул его обратно к себе.

— Цзян Цютун! — вспыхнул Цзи Яо. Настроения для нежностей у него не было от слова совсем. Но стоило ему открыть рот для гневной тирады, как широкая ладонь преподавателя легла ему на затылок, и прохладные тонкие губы накрыли его собственные.

Это был их первый по-настоящему глубокий поцелуй. До этого Цзян Цютун успел обласкать его тело вдоль и поперек, однако до главного дела так и не дошло, да и целоваться им как-то не доводилось.

Мужчина действовал напористо и жестко. Он зафиксировал голову Цзи Яо, не давая вырваться, и вторгся в его рот подобно завоевателю — бесцеремонно раздвинул зубы и глубоко толкнулся языком внутрь.

До каникул этот человек корчил из себя ледяного праведника, а стоило ненадолго расстаться — и его словно подменили. В этом поцелуе сквозила какая-то дикая, почти садистская ярость, словно он пытался задушить его губами. Цзи Яо не на шутку разозлился и попытался уклониться, но Цзян Цютун держал его мертвой хваткой.

— Да ты... ммм... пусти, твою... ах... мать...

Огрызаться под таким напором было невозможно — гневные слова превращались в сбивчивые вздохи и прерывистые стоны, больше похожие на сладкую прелюдию.

Потеряв терпение, Цзи Яо со всей силы сомкнул зубы.

— Мх! — Цзян Цютун резко отпрянул, инстинктивно прижав кончик укушенного языка к небу. На его лице отразилось недоумение вперемешку со злостью. Он выдавил хриплый смешок:

— Цзи Яо, тебе жить надоело?

Боль и отпор лишь подлили масла в огонь, разбудив в этом сдержанном человеке первобытного зверя. Цзян Цютун сжал челюсти Цзи Яо, заставляя его разомкнуть рот, и снова накрыл его губы беспощадным поцелуем.

Парень отчаянно брыкался, сквозь зубы выкрикивая ругательства, но мужчина лишь глубже и яростнее терзал его рот. Простой поцелуй со стороны выглядел как настоящее насилие.

Но постепенно характер их борьбы изменился. Гнев уступил место вязкой, удушливой страсти. Цзи Яо тяжело дышал, мечая громы и молнии из-под полуприкрытых век. Из-за слишком бурного сопротивления по его подбородку стекла тонкая ниточка слюны, блестящая в полумраке кабинета — порочная, бесстыдная деталь, делавшая его вид невероятно растрепанным и соблазнительным.

У Цзян Цютуна тоже сбилось дыхание. Он прижался лбом к его лбу, всматриваясь в глубину чужих глаз взглядом, в котором сквозила непривычная нежность.

— Цзи Яо, — негромко позвал он осипшим голосом. Его ладонь на затылке парня расслабилась, пальцы бережно скользнули по волосам, лаская и успокаивая, точно взъерошенного кота.

Цзи Яо непроизвольно прикрыл глаза от удовольствия. Цзян Цютун мысленно усмехнулся: он давно подметил эту слабость. Стоило слегка помассировать шею Цзи Яо сзади, как все его колючки мгновенно исчезали.

Куя железо, пока горячо, он чуть повернул голову и мягко прильнул к его губам в третий раз.

На этот раз сопротивления не последовало. Цзи Яо послушно приник к его груди, приоткрывая рот и позволяя чужому языку властвовать внутри, исследуя каждый уголок.

Пока их губы самозабвенно сливались в поцелуе, руки тоже пошли в ход. Ладонь Цзян Цютуна скользнула под измятую рубашку юноши, требовательно сминая его подтянутый, упругий бок. Цзи Яо не остался в долгу: его пальцы скользнули вниз и ловко расстегнули пряжку на ремне брюк преподавателя.

Воздух в кабинете накалился до предела, ласки становились всё более бесстыдными и откровенными, как вдруг раздался резкий, бесцеремонный стук в дверь. А следом из коридора донесся монотонный голос Чжан Хэ, прозвучавший подобно ушату ледяной воды:

— Господин Цзян, вы здесь? Я принес тетради нашей группы.

Да, Чжан Хэ по воле рока занимал должность старосты и отвечал за сбор домашних работ. Не дождавшись ответа и уловив подозрительную тишину, он отчетливо цыкнул языком:

— Ладно, я знаю, что вы там. Если вам сейчас... неудобно, я оставлю стопку у порога. Заберете, как освободитесь.

Раздался глухой стук складываемых на пол тетрадей, после чего шаги Чжан Хэ начали удаляться. Месть за сорванную лекцию и перенесенный позор свершилась красиво и изящно.

Довольный собой, он весело насвистывал под нос какую-то мелодию, уже предвкушая, как зайдет по дороге в лавку за острыми утиными деликатесами, нажарит дома вкусностей и хорошенько отпразднует эту маленькую победу.

Красота.

Цзи Яо застыл, не зная, смеяться ему или плакать.

Цзян Цютун превратился в соляной столп.

Цзян Цютуну было тридцать два года. Он гордился своим безупречным умом, железным самообладанием и безукоризненной репутацией. И вот сегодня его впервые в жизни застукал собственный студент во время непристойных ласк прямо на рабочем месте. Кажется, лицо, которое он так тщательно выстраивал годами, было окончательно и безвозвратно утеряно.

<http://bllate.org/book/20554/2172906>